

Матаков Константин Анатольевич

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР В ТРУДАХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Статья раскрывает взгляды русского поэта и философа Ф. И. Тютчева на проблему цивилизационных отличий русского и западноевропейского мира. Представлено авторское понимание историософии Ф. И. Тютчева как историософии религиозной. Автор приходит к выводу о том, что Тютчев видел подоплеку глобальных различий между Россией и Западом в разности христианских исповеданий – православия и католичества. Вместе с тем автор предлагает критический взгляд на видение Тютчевым будущего России и Европы, считая, что Тютчев недооценил секуляризацию православия в имперской России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 125-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MACRO-HISTORICAL COMPONENT OF PICTURE OF THE WORLD

Leonov Ivan Vladimirovich, Ph. D. in Culturology
Herzen State Pedagogical University of Russia
ivaleon@mail.ru

This article is devoted to the study of the essence and specificity of the macro-historical component of the picture of the world. The analysis of various aspects of this phenomenon is implemented in the context of O. Spengler's theoretical and methodological orientations. In particular, the article provides the overview of the "problem field" of macro-historical researches, describes the mechanisms of the formation and development of the macro-historical component of the picture of the world, and also considers its role in the development of philosophical and branch knowledge.

Key words and phrases: macro-history; noogenesis; picture of the world; macro-historical component of picture of the world; gestalt of history; paradigm.

УДК 1.091

Философские науки

Статья раскрывает взгляды русского поэта и философа Ф. И. Тютчева на проблему цивилизационных отличий русского и западноевропейского мира. Представлено авторское понимание историософии Ф. И. Тютчева как историософии религиозной. Автор приходит к выводу о том, что Тютчев видел подоплеку глобальных различий между Россией и Западом в разности христианских исповеданий – православия и католичества. Вместе с тем автор предлагает критический взгляд на видение Тютчевым будущего России и Европы, считая, что Тютчев недооценил секуляризацию православия в имперской России.

Ключевые слова и фразы: Россия; католичество; Европа; православие; революция; историософия; империя.

Матаков Константин Анатольевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
matakow@yandex.ru

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЙ МИР В ТРУДАХ Ф. И. ТЮТЧЕВА[©]

Уже более 20 лет как после распада СССР наша страна занята мучительными поисками собственной сущности, обретением себя. С кем Россия – с Востоком или Западом? Или она не Восток и не Запад? Что определяет специфику русской культуры? Мы не первые, кто задается подобными вопросами. Уже споры славянофилов и западников в XIX веке дали множество ответов на эти вопросы. В данной статье мы хотим коснуться историософских размышлений известного славянофила, поэта Ф. И. Тютчева (1803-1873). В чем он видел кардинальные отличия между Россией и Западом? В чем видел корни этих различий? На каком основании он считал Россию оплотом христианского мира, а Запад – оплотом революции? Почему же в реальности все вышло наоборот? И, наконец, какое значение взгляды Тютчева на цивилизационное место России в мире имеют сегодня для нас?

В статье «Россия и революция», написанной в 1849 под впечатлением от революционных событий 1848 года в Европе, Тютчев сразу же формулирует основной тезис: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия» [3]. Россия – это Восток, Империя, Порядок. Революция – это Запад, Хаос. Поэт убежден, что скоро эти силы непременно схватятся между собой, и это будет борьба между добром и злом – не на жизнь, а на смерть. Дальнейшая расшифровка основополагающего тезиса также очевидна: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя» [Там же]. То есть борьба между Россией и революцией – это не больше, не меньше, как борьба Бога с дьяволом; говоря о шестидесяти годах, Тютчев, конечно, имеет в виду время, прошедшее от начала Французской революции 1789 года до 1849 года.

Постсоветский русский начала XXI века, прочитав эти слова русского поэта, дипломата и философа, тут же усмехнется: какая там христианская держава? Какой православный народ? Да Вы, Федор Иванович, шутить изволите? Нет, Тютчев не шутит – он серьезен как никогда. И с этой серьезностью он разоблачает дух революции: «Не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования,

ставшие как бы официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон? Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, – дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие – принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом» [Там же]. Так ведь это и есть дух антихриста вместо духа Христа: смирение заменить гордостью, а милосердие – «соцобеспечением» и повышением налогов для богатых; страх Божий заменяется страхом перед народом, который может взбунтоваться. Любой историк знает, как Французская революция, провозгласившая «свободу, равенство и братство», очень быстро перешла к рабству, неравенству и вражде – террористическому режиму и тысячам трупов. Даже само выражение «враги народа», слишком хорошо знакомое теперь в России, было озвучено именно тогда. Разумеется, Федор Иванович еще не знает, что через 70 лет после написания этой статьи новая революция, теперь уже в его родной России, проявит дух антихриста значительно ярче и более жестоко, чем французские якобинцы. Русские революционеры уже не будут прикрываться религиозностью, как французские, а открыто провозгласят безбожие и уничтожение любой религии, а особенно – истребление православного христианства.

Тем самым противопоставление России и Революции не только не оправдывает себя, но, наоборот, выяснится, что та самая, православная и имперская, Россия, оплот истинного христианства, – это и есть Революция. Так что здесь русский поэт оказался плохим пророком, и даже антипророком. Зато относительно Германии его оценка звучит как более близкая действительности: «Германия, бесспорно, – та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка, потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заполняла и опустошала умы. Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума – столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционизирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России» [Там же]. Тютчев был знаком с философией немецких идеалистов (особенно Шеллинга), знал он и о Марксе. Полагаю, что и о суперлиберальных тенденциях в богословии немецких лютеран (вплоть до отрицания историчности Христа!) он был осведомлен. И про немецкую гордыню ума, эту «Фаустову болезнь», как потом скажет Шпенглер, он говорил со знанием дела. Читая этот анализ духовного состояния Германии, невозможно избавиться от чувства, что поэт как будто предвидел будущий немецкий нигилизм: идеологию Маркса, сторонники которой сокрушат русскую империю, и тот факт, что немцы развяжут две мировых войны в XX веке, от которых сильно пострадает Россия, – вот вам и «возрастание ненависти к России».

Естественно, Тютчев помнит, что от немцев ничего хорошего нельзя ждать не только русским, но и остальным славянам. Например, он упоминает, что «в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец» [Там же]. Да, угнетенные чехи и словаки под властью немцев – известная история, но сочувствуют ли эти славяне русским и православию, учитывая панславистские идеи Тютчева и его мечту о возвращении католиков в лоно православия? Он считает, что да, указывая на то, что среди чехов было гуситское движение, направленное против католичества и выступавшее за богослужение на национальном языке. Увы, но здесь слишком очевидно, что поэт пытается выдать желаемое за действительное. Из того факта, что Гус протестовал против некоторых аспектов католичества (например, он был против богослужения только на латыни и причащения только Телом Христа) и был казнен по решению римской церкви, еще не следует его тяготение к православию. Да, служба на национальном языке (тем более славянском), причащение под двумя видами – все это должно быть близко русскому и православному. Но – ни из работ самого Гуса, ни из истории гуситского движения – не видно, чтобы здесь было какое-то явное стремление именно к восточному богословию и Православной Церкви. Не случайно ведь, что и протестанты числят Гуса в числе своих предшественников – хотя в целом он остается скорее «неортодоксальным католиком», чем протестантом (допустим, Гус выступал в защиту почитания икон, что неприемлемо для протестантов). То есть не любой протест против Рима следует тут же относить к попытке устремиться в православие. Да и само стремление служить на родном языке и причащаться под двумя видами несколько не приближает к православию – протестанты в XVI веке тоже выступали за это. Кроме того, надо учитывать, что гуситы довольно рано разделились на два крыла – более умеренное (утраквисты) и более радикальное (табориты). Табориты скорее ближе к радикальным протестантам Реформации, чем к православию. И потому закономерно то обстоятельство, что в XVI веке значительная часть оставшихся гуситов присоединилась к лютеранской церкви. Сегодня же говорить о тяготении чехов и словаков к соединению с православием вообще не представляется возможным: в Чехии католичество находится в серьезном кризисе и все более распространяется безверие; в Словакии позиции Рима прочнее, но особого тяготения к православию также незаметно.

Тютчев с сочувствием приводит мнение одного чешского патриота: «Богемия, – говорил мне Ганка, – будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией» [Там же]. Да уж, попадание пальцем в небо налицо. Попробуйте в современном Львове заявить, что славяне освободятся, когда Россия вновь будет в Галиции. Тут можно только в очередной раз вспомнить, что человек предполагает, а располагает лишь Бог. Но великий поэт России захвачен идеей объединения славян и воссоединения церквей, идеей, которую воплотит Россия во главе с императором.

А посему он рисует следующую грандиозную картину: «Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм... И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?» [Там же]. Очередная апокалиптика: Запад гибнет, но мы его спасем. Русские любят апокалиптические настроения: разве весь период коммунизма нам не внушали, что Запад загнивает и вот-вот рухнет, и перестанет гнить только тогда, когда весь мир будет охвачен красным знаменем? И в результате рухнула коммунистическая империя, как до этого империя российская.

Идея Святого Ковчега, означающая избранность русских, их веры, их государства, на уровне реального воплощения оказалась утопией. И, напротив, то, что несомненно во времена Тютчева (и ему самому) казалось утопией, в России XX века стало ужасающей реальностью. В 1928 году, уже после катастрофы 1917, другой русский поэт, Владислав Ходасевич, в статье о Тютчеве напишет: «...жизнь очень скоро опровергла если не философские идеи, то реально-политические предвидения Тютчева. Судьбы папства, Франции, Германии, Австрии, Италии в ближайшие же десятилетия стали складываться и не согласно и даже не вопреки его предсказаниям и увещаниям, а совсем... по-третьему... Оказалось, что истинное положение дел и распределение сил в Европе и в России было не таково, каким оно представлялось Тютчеву» [4, с. 233-234]. Великое разочарование – вот что сегодня ощущается, когда мы знакомимся с геополитическими проектами Тютчева. И, конечно, возникает сакраментальный вопрос: почему? Почему его мечтам не суждено было сбыться? Для полного ответа на этот вопрос понадобились бы тома исследований. Но, полагаем, сам Тютчев, узнав, что произошло с Россией и Западом, с его любимыми славянами в XX веке, увидел бы причины крушения православия и империи в России в том же самом, в чем он видел причины крушения Запада: в духе гордыни и победе человеческого Я.

Можно провести параллель между русским и еврейским мессианством. Одно дело, когда Бог избирает народы для какой-то высокой цели – скажем, евреи были избраны, чтобы нести миру веру в Единого Бога и явить этому миру Спасителя; и другое дело, когда евреи начали считать себя избранным народом в том смысле, что они лучше и достойнее других, а ожидание Спасителя превратилось в жажду политического лидера, который освободит Израиль от врагов и создаст процветающее земное царство. В результате Спаситель был отвергнут, а евреи – рассеяны по миру. Не то же ли самое произошло с русскими в 1917 году? Ибо одно дело – полагать, что миссия России – нести миру свет православия, и *духовно* объединять народы под скипетром русского царя в Единой Церкви; и другое – считать, что русские достойны такой миссии, что они этикие «старшие братья» остальных народов, решающие за других, как им существовать в конкретной политической ситуации; тут уж от искушения «земным царством» избавиться сложно, и само объединение народов из духовного становится вполне «материальным», с соответствующими средствами. Вот, например, пассаж Тютчева из статьи «Россия и Германия»: «Становится также понятным, почему друг за другом разрушались от руки России все встреченные на ее пути противоестественные устремления, силы и установления, чуждые представляемому ею великому началу... почему, например, Польша должна была погибнуть... Речь идет, конечно же, не о самобытной польской народности – упаси Бог, а о навязанных ей ложной цивилизации и фальшивой национальности» [2]. Замечательно! Вот так возьмем за Польшу и решим: какая у нее цивилизация и национальность – истинная или ложная! И если так – то чем это принципиально отличается от критикуемого Тютчевым католического Запада? Разве навязывание в XVI-XVII вв. католической Польшей унии не было с ее точки зрения избавлением русских от «ложной цивилизации и фальшивой национальности»? В XX веке советские русские еще раз попытались за Польшу решить, какой ей быть – результат хорошо известен. Понятно, что таким путем мечта о всемирной православной монархии и всеславянском братстве останется только мечтой.

Справедливости ради нужно заметить, что Тютчев не рассматривал всемирную православную империю под скипетром русского государя как возникающую экспансионистским путем. Приоритет был сделан все-таки на духовном объединении. По мнению исследователя его творчества Б. Тарасова, «если под “возвращением Константинополя”... Тютчев имеет в виду, как и Достоевский, духовное единение православных христиан Востока во главе с Россией и русским царем, то “поглощение Австрии” подразумевает возможный распад Австрийской империи, когда национально-освободительное движение славянских народов создаст условия для их свободного и добровольного вхождения в состав “законной” и “окончательной” Империи... Позиция поэта не содержит ничего захватнического, поскольку в его понимании материально-насильственные способы единства без свободно-духовного сплочения приводят в конечном итоге к отрицательным для исковой цели последствиям» [1]. Если бы в действительности все было так идеально. Но на самом деле Тютчев не витал исключительно в розовых мечтах и не был кабинетным утопистом, который погружен в выдуманные им абстракции. Он понимал, что далеко не все в современной ему императорской России так уж идеально, чтобы считать ее полным воплощением империи Византийской, но уже на всемирном уровне. Иными словами, нельзя сказать, что Тютчев некритически воспринимал реальность Византийской или Российской империй. Он понимал, что вмешательство императоров в жизнь Церкви нередко было очень далеким от идеи симфонии духовной и светской властей. И если поэт однозначно осуждает папоцезаризм Рима, то многим ли лучше тенденции к цезарепапизму, которые порой проявлялись в Константинополе?

Тарасов отмечает: «Одну из важных причин схождения на мель корабля российского самодержавия он видел как раз в недостаточном внимании к главной миссии христианской империи, в нарушении надлежащей иерархии между религией и политикой в “пошлом правительственном материализме”, который в его рассмотрении не только не являлся альтернативой “революционному материализму”... но и оказывался его невольным и “невидимым” пособником» [Там же]. Как видим, здесь поэт уже близко подходит к осознанию причин рокового будущего России, хотя он и ничего не знает об этом будущем, полагая, что оно будет исключительно светлым.

В том-то и дело, что цезарепапизм в современной ему России был очевиден – иерархия Церкви была обезглавлена (лишена патриарха) и подчинена светскому органу. Государство в своей заботе о православии порой игнорировало само православие. Христианская миссия Империи часто превращалась в заботу только о земном, превращаясь в обычную территориальную экспансию. Говоря о «безбожной власти» в России, поэт, наверно, и не догадывался о том, каким мрачным пророчеством это окажется о России XX века. И гром грянул с небес.

Конечно, все было не безоблачно не только в отношениях Церкви и Империи; внутри самого православия все тоже было не слишком просветленно. И Тютчев в конце жизни это увидел и оценил: имеются в виду события 1872 г., когда Болгарская Церковь провозгласила независимость от константинопольского патриарха, а тот вскоре объявил ее раскольнической. Тютчев был шокирован этими событиями и даже утверждал, что православные тем самым опустились до уровня католичества, превратив религию в орудие политики [Там же]. Увы, но образование самостоятельных национальных православных церквей активно продолжилось и в XX веке. Единство православия при этом не разрушилось, но политические мотивы такой «самостоятельности» очевидны. «Национальное» потребовало, чтобы зависимость от греков была уничтожена (мы сейчас намеренно не обсуждаем вопрос, насколько сами греки были виновны в этих отделениях). Важно здесь то, что секулярный дух преобладания политики над религией здесь проявился в полной мере: главным стало не единство во Христе, но национальное единство. Эти горестные слова Тютчева о церковном расколе в угоду политическим соображениям звучат и как прямое указание на современные события: церковный раскол на Украине и попытка создания самостоятельного украинского православия, независимого от Москвы, служат лишним подтверждением справедливости слов поэта, сказанных 140 лет назад.

К сожалению, те раны православия, о которых говорил Тютчев в 1872 году, не были исцелены, а затем русскому православию были нанесены такие чудовищные раны, что и сравнить не с чем. Представления поэта об идеальной России, несущей свет миру, о том, какой она должна быть, – сохраняют свою актуальность. Но реальная Россия до сих пор оказалась недостойной этого призвания и была наказана. Что будет дальше – сложно предвидеть. Ясно только, что прогнозы самого Тютчева исполнились иначе, чем мыслил он сам. Его критика западного мира с точки зрения анализа идей важна и теперь, но геополитические сценарии... Да, Запад, которому он пророчил революционную гибель, умирает как Запад христианский, но умирает эволюционным путем, реформируя себя во все более антихристианском направлении: количество верующих непрерывно сокращается, католическая церковь, которую Тютчев считал весьма консервативной силой, в последние 50 лет целенаправленно изменяет саму себя в сторону все большего либерализма; жертвенность христианского мира исчезает на глазах; русское православие, пережив жесточайший период безбожия, пытается возродиться, но, конечно, миссия просвещения христианского Запада ныне далека от него – вернуть бы к Богу русских. Но мечта Тютчева – мечта остается, однако такую мечту осуществляют не политики – ее воплощают святые во главе с Христом.

В заключение мы можем сделать следующие выводы: Ф. И. Тютчев в своей историософии, на наш взгляд, вполне адекватно видел причину цивилизационных разногласий России и Западной Европы в различии западного и восточного понимания христианства. Нельзя не согласиться с русским мыслителем и в том, что западное христианство (католичество, а затем протестантизм) изначально было более секуляризованным, чем христианство православное. Однако, по нашему мнению, Ф. И. Тютчев идеализировал союз православия и русской империи, как он сложился в послепетровский период, и потому недооценил секуляризационные процессы в отечественном православии. Отсюда и основной порок его геополитических прогнозов: не Запад оказался ввергнут в революцию, а Россия. Отсюда и урок, который могли бы мы извлечь из историософии Тютчева сегодня: опасно идеализировать свое прошлое и настоящее, ибо это ведет к духу гордыни, но так же саморазрушительно тотально отвергать свое прошлое и его идеалы, в которые верил Тютчев.

Список литературы

1. Тарасов Б. Н. Христианская историософия Тютчева [Электронный ресурс]. URL: http://tyutchev.ru/Tarasov_Tyutchev_istoriosofia.zip (дата обращения: 09.07.2013).
2. Тютчев Ф. И. Россия и Германия [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-111-.htm> (дата обращения: 08.07.2013).
3. Тютчев Ф. И. Россия и революция [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/pss06/tu3/tu3-144-.htm> (дата обращения: 07.07.2013).
4. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: избранное. М.: Советский писатель, 1991. 688 с.

RUSSIA AND WESTERN WORLD IN F. I. TYUTCHEV'S WORKS

Matakov Konstantin Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
matakow@yandex.ru

The article reveals the views of Russian poet and philosopher F. I. Tyutchev on the problem of civilization differences between the Russian and West European world. The author's understanding of F. I. Tyutchev's historiosophy as religious one is presented. The author comes to the conclusion that Tyutchev found the underlying reason of global differences between Russia and the West in the difference between the Christian confessions – Orthodoxy and Catholicism. However, the author suggests a critical look at Tyutchev's view on the future of Russia and Europe, believing that Tyutchev underestimated the secularization of Orthodoxy in Imperial Russia.

Key words and phrases: Russia; Catholicism; Europe; Orthodoxy; revolution; historiosophy; empire.